

Сергей Фабр

Профессор
и пляшет,
наблюдет,
и играет.

Москва 2020

Сергей Фабр

**Профессор пишет,
наблюдает, играет**

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фабр С.

Профессор пишет, наблюдает, играет / С. Фабр — «Издательство
«Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-524-5

Любой эпизод в жизни профессора может стать сказкой, басней, рассказом
или даже романом-эпопеей. Если профессор потрудится его записать.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-524-5

© Фабр С., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

...дома	5
Профессор и дети	5
Профессор и молодая пара	6
Профессор играет в покер	8
Часть первая	8
Часть вторая	8
Часть третья	9
Профессор в парикмахерской	11
Профессор и две вороны	13
Часть первая	13
Часть вторая	14
Профессор сочиняет хокку	16
Профессор видит сон	17
Профессор виновато улыбается	18
Профессор возмущается	20
Профессор разговаривает с бытовой техникой	21
Профессор лечит подобное подобным	22
Профессору снится инопланетный кошмар	23
Профессор испытывает боль	24
Профессор занимается самолечением	25
Профессор покупает рисунок	26
Профессор и тишина	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Фабр

Профессор пишет, наблюдает, играет

...дома

Профессор и дети

Сказка

Дети – брат и сестра – играли во дворе, рядом с подъездом. К двери подъезда подошла молодая рыжая кошка и стала проситься внутрь. Дети были добрые, особенно девочка, они впустили кошку в подъезд «погреться», хотя погода была апрельская, и холода уже не было.

Сразу вслед за кошкой в подъезд вошел профессор – не специально, просто он возвращался с работы домой. Профессору нравилось, что дети добрые. Дети не всегда такими бывают. Он пошел к двери своей квартиры на первом этаже, но кошка опередила его и прибежала к двери первой. Она хотела войти в квартиру профессора. И, наверное, остаться там жить. Детям бы понравилось, если бы профессор впустил кошку в квартиру. Тогда у сказки был бы хороший конец.

Но профессор, глядя на кошку, видел лишь грязные лапы на своем кухонном столе, блох, расползающихся по полу, и слышал тыбдых-тыбдых-тыбдых каждую ночь. Профессор вздохнул и вежливо отодвинул кошку от своей двери. Ногой. Кошка посмотрела на профессора с упреком. Тот поспешил скрыться за дверью.

Это еще не конец.

Утром, выходя из квартиры на пробежку, профессор увидел, что коврик под его дверью стал кошачьим туалетом, со всем тем, что обычно бывает в кошачьем лотке. Профессор вздохнул, вернулся в квартиру достал резиновые перчатки, свернул коврик и понес его на помойку.

У двери в подъезд стояли дети – брат и сестра, а рядом с ними стояла вчерашняя рыжая кошка. Кошка смотрела на детей, дети спорили, кто будет первым с ней играть. Тогда профессор снова вернулся в квартиру, взял большой нож для разделки мяса, вышел во двор, поймал кошку, разрубил ее на две части. Одну часть он отдал девочке, а вторую – мальчику.

– Играйте оба, – сказал профессор.

Дети весело убежали с глаз долой, каждый со своей половинкой.

Тут профессор очнулся от своих фантазий и увидел, что все еще стоит у двери в подъезд, с грязным ковриком в руках, а на него смотрит молодая рыжая кошка. Профессор отвернулся от кошки и побрел на помойку, выбрасывать коврик. А дети открыли для кошки дверь в подъезд.

Профессор и молодая пара

Подслушанный разговор

Профессор медленно брел по направлению к железнодорожной станции Ямки, осторожно неся ту головную боль, о которой сразу не скажешь, что это: то ли похмелье, то ли давление поднялось, то ли грипп начинается. Нет, он знал, что не похмелье, он еще помнил себя вчерашнего. Поэтому он шел осторожно, повторяя в такт шагов:

– Лишь бы не грипп, лишь бы не грипп.

Краем глаза профессор заметил, что поравнялся с парой молодых людей. Девушка, очень юная и очень легкая, старалась быть земной и серьезной. Она что-то втолковывала юноше, наклоняя голову в его сторону и встряхивая коротко стриженными волосами. Юноша профессора не заинтересовал. Он производил впечатление восьмиклассника, гордо оставшегося на третий год.

Профессор стал слушать, что говорит девушка. Сначала слушал просто голос, потом до него дошли слова:

– Нет, ну куда тебе сейчас алкоголь, – строго и звонко сказала девушка, – тебе завтра с утра учиться, мне завтра – работать.

«Резонно», – подумал профессор и стал слушать дальше.

– Давай, – продолжала девушка, – мы будем пить только по пятницам. И по субботам. А в другие дни не будем.

«И опять резонно, – снова подумал профессор, – где мои двадцать лет. Я бы, пожалуй, согласился».

И побрел себе дальше, вспоминая, в каком кармане его синего рюкзака должна лежать упаковка нурофена.

Профессор играет в покер

Часть первая **Предыстория**

История про игру в покер – короткая. Но у нее долгая предыстория. Так что приготовьтесь.

Предыстория начинается в годы народного предпринимательства, когда все государственное или общественное работало кое-как, зато можно было настроить свою жизнь частным образом, за не очень большие деньги.

Чтобы потом не объяснять – это 1990-е годы.

Домашняя телевизионная антенна в те годы работала как всё созданное в советском государстве, то есть вяло. Изображение, когда оно было, ругалось со звуком. Зато звук был всегда. Ну, почти. Профессор мог думать, что когда его не было дома, в антенне просыпался рабочий энтузиазм, и телевизор работал идеально, но проверить это всё как-то не удавалось.

И однажды профессор, за небольшие деньги, установил на крыше дома собственную антенну. А провод ему спустили по стене и бросили в форточку. Не эстетично, но это работало. Если ветер был не сильный.

А в тогдашнем телевизоре было много и искренней глупости, и корыстного гнева, и веселого недоразумения. В общем, было что посмотреть. И профессор смотрел ровно до тех пор, пока не возродилась государственность. Потому что новая государственность первым делом обрезала личную антенну профессора и только потом, начала резать разные телевизионные передачи и целые телевизионные компании.

Смерть телевидения, с последующим разложением его труп, не сильно затронула профессора, поскольку тут как раз появился устойчивый и быстрый интернет, с его новостями, блогами и торрентами. И футбол можно по интернету смотреть. Поэтому профессор махнул рукой на антенну. Он позвал к себе ребят из компании Бим-Бом-Лайк, чтобы они провели к его компьютеру кабельный интернет, с воем-фаем. Ну и с интернет-телевидением тоже. Это – как уступка прежней жизни. Она же – прежняя – тоже зачем-то была.

И стал профессор жить-поживать, завел себе аккаунты в четырех социальных сетях, чтобы размещать в них фотографии своего синего рюкзака (его слабость), и три сайта, чтобы учить студентов (его сила).

И все было хорошо, пока в дом не пришел ремонт электропроводки.

Была у профессора проводка медная, а стала алюминиевая. Не могу сказать, какая лучше, а профессор как-то так и не сходил на физический факультет своего университета, чтобы уточнить. Он просто дождался ребят в комбинезонах и с отвертками, убрал вешалку со стенки, на которой висит счетчик, и смотрел, как одни контакты (медные) отсоединяют, а другие (алюминиевые) подсоединяют.

И вот тут-то предыстория заканчивается, начинается история.

Часть вторая **История**

Вот представьте себе: вы живете налаженной виртуальной жизнью, в том смысле, что с утра вы заглядываете в инстаграмм, чтобы посмотреть, сколько там лайков набежало вчерашней картинке, днем (работа все-таки) на вас трудятся два поисковика и три электронных почты,

а долгие зимние вечера одному вашему глазу скрашивают (по очереди) твиттер, фейсбук и телеграмм, а другому – сериал, только что скачанный с торрента и еще не успевший остыть.

И тут приходят молодые ребята-электрики и переключают вашу квартиру с меди на алюминий. Но интернет-то не переключают, потому что это не их работа. И все. Электронная почта, говорите? Библиотека, билеты, покупки? Этот, как его, телеграмм? Ну-ну.

Представили? Не конец света, конечно, но его резкое сокращение до телефона и мертвого ТВ по домашней антенне. Примерно так видел новую реальность древний египтянин, когда он умирал и получал сообщение, что из всех девяти составляющих его личности в его распоряжении остаются только две: Ка и Ба. И то, только при хорошем поведении. А все остальные опции отключены до момента возрождения, которое, как известно (каждому древнему египтянину), состоится через «тысячи, тысячи, тысячи лет».

Профессор, не будучи древним египтянином, сразу позвонил по телефону в компанию «Бим-Бом-Лайк» и наварлся на робота, который сообщил профессору, что в настоящий момент доступ к интернету невозможен.

– Ах вот оно что, оказывается, – хотел сказать профессор, но вспомнил, что там, на другом конце линии, тупая программа, и промолчал.

Робот сказал еще, что ему очень жаль (что было неправдой, программы еще не умеют жалеть) и что связь восстановят завтра к 11 утра, то есть, считай, через сутки.

Как профессор прожил эти сутки, я писать не буду. Важно то, что в 11 часов интернет не включили. И в 12 часов тоже.

Профессор снова позвонил в «Бим-Бом-Лайк», и робот на другом конце линии сообщил ему, что в настоящий момент доступ к интернету невозможен. Профессор сразу представил, что там, в «Бим-Бом-Лайке», образцом для робота послужил один государственный деятель, которого в интернете привыкли называть «Капитан очевидность». Но проверить эту свою догадку профессор не смог. Еще робот сказал, что сожалеет (помните? это неправда!). И что связь будет восстановлена завтра к восьми утра.

Больше от робота добиться ничего не удалось, так же как добраться до какого-нибудь живого существа в этой компании. Кстати, эти живые существа называются операторы. Вымирающий вид.

Профессор осознал, что его жизнь рушится.

И тогда он решил сыграть с провайдером в покер. Ставка – жизнь. Виртуальная, разумеется.

Часть третья

Игра

[Техасский покер. Четыре круга торгов. На каждом можно поднять ставку («райз») или сбросить карты («фолд»). В первом круге («префлопе») у каждого игрока по две карты. На втором («флопе») на стол выкладывают три открытые карты. На третьем («терне») и четвертом («ривере») – еще по одной. Две карты игрока и пять на столе дают возможность составлять комбинации: пара, две пары, тройка (сет), стрит, флеш и так до флеш-роял. Игрок, который, не имея комбинации, повышает ставки, – блефует. Выигрыш в игре называется «банк» или «пот».]

Префлоп. Профессор набрал номер провайдера, подождал семь раз по четыре минуты, и ему ответил робот, который собирался отбарабанить свою программу. Роботу нужно было, чтобы профессор спасовал и бросил трубку. Тогда выигрыш был бы за провайдером. Но профессор сделал каменное лицо (так надо, это же покер) и дослушал всю болтовню робота до конца. В результате фолд сделал робот: он соединил-таки профессора с оператором.

Флоп. У профессора была слабенькая комбинация. Одна карта: он клиент. Вторая – давний клиент. И профессор решил блефовать. Он дождался, когда ему ответила девушка-оператор, и стал ей говорить, что интернет – это его работа (неправда, конечно, но на то и блеф), что он теряет деньги. И даже дважды теряет, потому что за неработающий интернет компания деньги-то возьмет. И что у него скоро важный разговор по скайпу (правда), разговор его жизни (блеф), и что ему срочно надо отослать письма, которых очень ждут (да ладно, кому он нужен). Он говорил долго, медленно и, главное, грустно. И совсем расстроил девушку-оператора. Она сказала ему, что будь у нее возможность, она пошла бы и сама подключила профессору интернет. Но она прикована к аппарату и пойти никуда не может. Профессору стало жалко девушку. И он это ей сказал. А ей стало жалко профессора. И она скинула свои карты – переключила на начальника технического отдела. Фолд.

Терн. Перед начальником технического отдела компании предстал гневный профессор. Блеф так блеф. Профессор говорил начальнику, что там у них в «Бим-Бом-Лайке» никто не работает. Что сам был электриком (это правда) и подключил бы себя к интернету сам за 15 минут (это вряд ли – блеф). Повышая ставки, он надеялся на фолд у собеседника. Но начальник отдела был опытный игрок и никак не хотел пасовать. Он тянул до «ривера» и уговаривал профессора подождать еще денек, ну максимум два. А профессору никак нельзя было уходить на «ривер», там шоу-даун, все открывают свои карты. И тогда в «Бим-Бом-Лайке» поняли бы, что у профессора, кроме жалкой пары аргументов, ничего нет. И могут хоть неделю потом его не подключать.

И профессор пошел ва-банк. Он сказал, что сейчас встанет с дивана и пойдет в «Кос-МосТелеком», получать интернет от них. Начальник технического отдела помолчал немного и попросил не уходить прямо сейчас, а подождать всего лишь до завтра или хотя бы пару часов. Он сбросил свои карты. Фолд.

Пот. Через два часа профессор получил смс. «Бим-Бом-Лайк» вернул ему 5 рублей 14 копеек за те сутки, что у него не было интернета. Профессор включил компьютер и обнаружил, что интернет у него подключен.

«Что ли в Сочи поехать, на покерный турнир записаться?» – подумалось профессору. Но он сразу отогнал эту дурную мысль. Ему же послезавтра в Монако лететь.

Профессор в парикмахерской

Страшная быль

Профессор не любит ходить в парикмахерскую. Во-первых, сидишь, как дурак, обмотанный простыней, целых полчаса, вместо того чтобы что-то полезное сделать. Во-вторых, здесь, на родине, профессору никак не удастся прилично и без стеснения дать на чай. Все как-то криво выходит. Но это все не главное. Его страшит вопрос, который сразу задают, как только он садится в кресло, иногда даже не закутав еще в простыню. Вопрос этот состоит всегда из четырех слов и одной интонационной запятой: «Ну, как будем стричь?» А откуда знать профессору, как будем стричь? Если бы его спросили, как будем лекцию читать или там как будем книгу писать, он бы внятно и подробно все объяснил. А после слов: «Ну, как будем стричь?» — он вжимается в кресло и бормочет что-то невнятное, вроде: «Ааа... как ээээ ... сейчас ээээ ... ну то есть короче». Без интонационных запятых. Нет, один раз, лет тридцать пять назад, у него был идеальный поход в парикмахерскую, ту, что была на улице Герцена, напротив здания ТАСС. Нет сейчас ни той улицы, ни той парикмахерской. А тогда парикмахерша, что взялась его стричь, так заболталась с коллегой, что забыла задать этот самый вопрос. И постригла, не переставая болтать, именно так, как ему и хотелось. Даже пробор сделала в правильном месте, а не ниже на два сантиметра, как все остальные. Он потом много раз хотел поехать стричься к этой самой парикмахерше, да как-то не случилось.

Ну да это давно было. А тут у профессора случился юбилей, который надо было отмечать с коллегами. И взбрела ему, профессору, в голову мысль пойти постричься в ту парикмахерскую, в которую он ходил ребенком, с шести лет. Закольцевать жизнь. Круто же?

Нет, не круто. Мало того, что молоденькая девчонка с черными, как кровь, ногтями сразу же задала этот самый страшный вопрос, так она под конец стрижки отрезала своими ножницами у профессора кусок уха. И профессор потом месяца три ожидал, что вот сейчас у него начнется какая-нибудь болезнь, которая через кровь и передается. И юбилей отмечал с пластырем на ухе.

А ведь сто раз читал у разных умных людей в книжках: не надо никогда никуда возвращаться.

Дело же писали.

Профессор и две вороны

Повесть

Часть первая

Давным-давно, когда профессор совсем не был профессором, а был просто студентом, он взял и женился. Его семейная жизнь начиналась в съемной комнате в доме на Третьей Фрунзенской улице, на втором этаже, где из вещей были диван, стол, два стула и шкаф. Это всё важно для дальнейшего повествования, потом узнаете, почему. Именно в это время профессор начал учиться готовить разнообразные блюда, чему во многом способствовало то, что жена его была поэт. Не скажу, что поэзия и вкусная еда – две вещи несовместные, но попробуйте как-нибудь попросить знакомого поэта или художника пожарить котлеты или слепить пельмени. И увидите, что получится.

Заметьте, я написал «увидите», а не «попробуете». Яичница с колбасой – вот удел поэтов.

Ну вот, а профессор поэтом не был ни тогда, ни потом. Он мог попытаться что-нибудь приготовить съедобное из быстро исчезающих в ту пору продуктов.

И в качестве учебного задания профессор сварил огромную кастрюлю супа из куска мяса, подаренного тещей. И тогда внезапно выяснилось, что холодильника у молодоженов нет. Есть, как вы помните, диван, два стула, стол и шкаф. Суп хранить негде.

И тогда найдено было истинное поэтическое решение (догадайтесь, кем) : суп будет храниться за окном! Прямо на подоконнике. Время зимнее, температура за окном лучше, чем в холодильнике, а большая красная кастрюля за стеклом – в этом есть своя новогодняя эстетика. Ну и прикольно.

И вот тут-то приходит время вороны.

Ворона видит суп, ворону суп пленил.

А если придерживаться фактов, то большая, серая и наглая, как крыса, ворона подлетела к кастрюле, сдвинула клювом крышку, вытащила мясо и улетела. И все это на глазах создателя супа и его жены, беспомощно прыгающих и машущих руками по другую сторону окна.

Так будущий профессор получил урок общежития, который сформулировал в следующей фразе: «Мало уметь варить суп, надо уметь привязывать крышку к ручкам кастрюли».

Часть вторая

Профессор (теперь уже всамделишный) давно уже живет не на Третьей Фрунзенской улице, а в подмосковном городе Ямки, в доме, окна которого выходят на железную дорогу. Ранним утром в квартире профессора слышны гудки пролетающих мимо «Ласточек» и «Сапсанов», а поздно вечером – песни и брань пьяных мигрантов. Мигрантам нравятся Ямки. Профессору – не всегда.

Дверь подъезда дома профессора выходит на старый двор с большими деревьями, по очереди цветущими всю весну, а еще с детскими площадками, дорожками из плитки, скамейками и маленьким, но настоящим оврагом. Вот там, в этом дворе, профессор снова повстречал ворону, как-то по весне. А если быть совершенно точным, то это ворона встретила профессора. Профессор вышел из дома рано утром, чтобы отправиться на работу, и шел себе по дорожке, мимо цветущей вишни. А на дорожке, строго под вишней, сидела большая серая ворона, очень похожая на ту, что когда-то украла у профессора суп.

Профессор совсем не считал себя птичьим расистом, но для него все вороны были на одно лицо.

И вот эта ворона наклонила голову к земле, посмотрела на профессора пристально (я бы написал «набычилась», но ворона, ведущая себя как бык, придала бы истории оттенок античной трагедии) и ка-а-а-ак каркнет! И ладно бы, один раз. Профессор хотел ее обойти, но она отскочила вперед по дорожке и опять каркнула. А потом еще раз, теперь уже с ветки соседнего тополя. И дальше, все время, что профессор шел по двору, ворона каркала у него над головой. Правда, за пределы двора ворона не вылетела, осталась там, на ветке, каркнув пару раз напоследок.

Почему она выбрала профессора, чтобы об-каркать его? Она накликала на него беду? Или хотела о чем-то предупредить? Или у нее просто было плохое настроение, и профессор

попал под горячее крыло? И почему она каркала именно в этот день, в который, кстати, с профессором ничего не случилось?

На все эти вопросы профессор смог ответить самому себе, лишь когда вспомнил любимое заклинание своей матушки.

Вот оно: «Незнаюпочему».

Профессор сочиняет хокку

Весна. Морось. Электричка. Профессор едет на работу. Он пытается читать, но никак не получается. Одно обстоятельство, сидящее напротив, не позволяет ему.

Профессор вздыхает, закрывает «читалку» в планшете и открывает блокнот. Он записывает хокку:

Женщина в красном.
Мажет тушью ресницы.
Корчится утро.

Профессор видит сон

Запись

Профессор проснулся уставшим. Еще бы: во сне он был рабочим богом этого мира. Работал он в Департаменте истории Земли и специализировался на России во всех ста одиннадцати реальностях, в которых Россия существовала.

В этом сне ему пришло письмо от руководства департамента с указанием немедленно подключиться к работе «Объединенной группы по выявлению и устранению грядущих угроз». Ребята из Департамента будущего уже провели ежегодный мониторинг, результаты которого – в прикрепленном файле. И теперь надо думать, как устранить самые угрожающие из угроз. Ну, знаете, как это бывает: мозговые штурмы, планерки, совещания ... Вот всё это. Или можно все угрозы отвести самому. Это не возбраняется.

Профессор (а он и во сне был профессором) открыл файл и нашел раздел, посвященный Европе. В истории России определено 47 событий, следствия которых могут привести к частичному или полному уничтожению человечества в будущем, с горизонтом 500 – 1000 лет. События разделены на фразы, действия и бездействия. И сгруппированы по эффектам: частному и общественному (32 на 15). Необходимо срочно снизить эффект от каждого из событий в сознании людей, живущих сейчас. В идеале, о фразах нужно забыть, действия перетолковать, а бездействие представить как действия.

Нет, можно было, конечно, упереться, запросить финансирование и отправиться в прошлое каждой из реальностей, чтобы все исправить на месте. Но, во-первых, это надо с десятков снов потратить, а во-вторых, каждая устраненная, в реальности, угроза может вызвать пять-шесть новых.

Поэтому профессор сел к своему компьютеру (во сне это был суперкомп, с экраном во всю стену, без клавиатуры и мыши) и стал менять сознание ныне живущих людей, в тех реальностях, в которых обнаружены были угрозы. Начал с частных, они проще. Там надо было лишь чуть сдвинуть воспоминания двух-трех человек по каждому случаю. Серьезно повозиться пришлось лишь с интонацией во фразе: «Ой, ну всё».

Потом он перешел к общественным эффектам. И здесь началась работа профессионала. Нужно было подготовить общественный запрос на изменения в трактовках прошлого, по каждому из пятнадцати случаев. Затем – дать импульсы к подготовке научных и популярных статей, заметок и комментариев в блогах; к работе над телевизионными передачами, художественными и документальными фильмами; к проведению конференций и круглых столов, а также митингов, пикетов и демонстраций. В «России 103» пришлось даже залезть в голову к Председателю Госсовета.

Как там, в голове? Да много пыли. И каналы обратной связи пришлось прочищать.

В общем, много работы было этой ночью. Вот и устал. Но, может быть, теперь хоть стимулирующую надбавку по итогам года дадут.

Профессор виновато улыбается

Улыбка домашняя

Профессор бежал по городскому парку. Этот парк расположен в Ямках, на берегу канала имени Москвы, что роднит его (канал – не профессора) с водкой «Московской». Он (теперь уже профессор) делал так почти каждый день, выполняя программу «профессорского пятиборья», о котором еще не было случая написать. И сегодня – не случай.

Профессор бежит не на скорость, а на медленность, поэтому у него есть прекрасная возможность видеть все, что происходит вокруг. Ну, или ужасная возможность. Это зависит от восприятия окружающего нас ужаса.

Но в этом случае по сторонам все было очень мило, особенно серый котенок на руках у молодой женщины. Женщина сидела на скамейке. Котенок сидел у нее на коленях. Рядом сидела старушка и смотрела на них обоих. Картину Леонардо «Мадонна с младенцем и святой Анной» видели? Вот как-то так.

Только у Леонардо перед мадонной нет таблички, а здесь была. А на табличке было написано «Котенок уходит к Вам».

Профессор посмотрел на мадонну с котенком. Мадонна вопросительно посмотрела на профессора. И профессор, медленно пробегаая мимо, виновато улыбнулся и покачал головой.

Потом, уже убежав из парка, профессор говорил себе, что неправильно брать котенка, а потом уезжать на работу на целый день. Ведь истинное предназначение кошки состоит в том, чтобы находиться ровно в том месте, где человек собирается сесть, лечь, что-либо напечатать или хотя бы просто наступить. А если человека нет весь день, то где должна находиться всё это время кошка? Идите найдите Шредингера и спросите у него. И пока он что-нибудь не придумает, кошка будет страдать.

Но в глубине души профессор понимал, что его виноватая улыбка объясняется совсем не заботой о будущем котенка, а нежеланием увидеть расцарапанные обои в своей квартире. Профессор уже давно жил один, а одиночки – они такие эгоисты.

Профессор возмущается

Профессор медленно бежал по дорожке парка, уворачиваясь от детей, собак, велосипедов и самокатов. Был первый теплый день лета. По этому случаю белки и дрозды попрятались. Парк наполнили совсем другие существа. Профессору белки нравились больше, но делать нечего, приходилось смотреть на тех, других. И вот, например, что он увидел: молодую женщину в белой футболке, на которой топорщилась надпись: «Нет ни стыда, ни совести. Ничего лишнего».

Профессор возмутился. Не внешне, конечно. Внешне он как бежал, так и бежал себе дальше. Но бежал он возмущенно.

«Как же, – повторял про себя профессор, – как же ничего лишнего? Ну, с совестью, может, оно и так. Но лишний вес-то точно есть».

Профессор разговаривает с бытовой техникой

Случай

Профессор купил себе пылесос-робот. Пылесос был китайский, не дорогой, но и не дешевый. Обычный такой, белый и круглый, с одной вертящейся щеткой и лампочкой, которая, почему-то, светит в пол.

Профессор зарядил его, нажал на кнопку и пошел на кухню. Обедать. Но так сразу пообедать не получилось, потому что пылесос нашел резинку, съел ее, остановился и запищал. Но потом, когда профессор резинку вытащил, все стало хорошо. Профессор обедал или бегал по парку, а пылесос чистил квартиру. Правда, вскоре у пылесоса появилась дурная привычка забираться под диван, застревать там и пищать. Пришлось профессору доставать толстые словари и засовывать их под диван. Как преграду.

– Я строю баррикады из слов, – сказал себе профессор. – А ведь это именно то, чем я занимаюсь всю жизнь.

И все стало совсем хорошо, пока пылесос не вытащил из розетки провод от телевизора и зарядку для ноутбука, запутал их и запутался сам.

– Что ж ты, дурашка, наделал, – сказал профессор, освобождая пылесос из проводов.

И понял, что говорит с пищущим механизмом, как будто он не профессор, а джедай какой-то.

Через пару дней профессор закрыл пылесос в ванной, чтобы тот там как следует все почистил. А тот сам открыл дверь, выбрался из ванной и стал пылесосить прихожую.

– И что тебе там не нравится? – бормотал профессор, ногой направляя механизм обратно в ванную. – Тесно, что ли?

Ничего ему пылесос не ответил. Он крутился по прихожей, а в ванную возвращаться не хотел.

А еще через пару дней профессор вернулся с пробежки и увидел, что пылесос потерял свой контейнер, но добросовестно тыкается во все углы, с китайской методичностью перекладывая пыль с одного места пола на другое.

Профессор нажал на кнопку «стоп» и вставил контейнер на место.

– Ну что, заново все начнешь или зарядишься сначала? – спросил он.

Профессор поставил пылесос на зарядку. Тот благодарно замигал.

Профессор постоял немного. Ему хотелось что-то еще сказать.

И он сказал: «Надо, что ли, имя тебе дать».

Профессор лечит подобное подобным

Выходные. Раннее утро. Профессор сидит за письменным столом. Перед ним листок бумаги, в руках ручка. Профессор собирается составить список.

Дело в том, что этой ночью профессору приснилась вся его жизнь и несколько ее не сложившихся вариантов. И все, что профессор увидел, было бесполезным, бестолковым и бессмысленным.

Он проснулся ни свет ни заря и понял, что его накрыло одеяло меланхолии, вылезать из-под которого бесполезно и бессмысленно. Он покопался в голове, чтобы выудить оттуда еще какое-нибудь слово с приставкой «бес», выудил «бездарно» и расстроился.

А на выходные у профессора было намечено несколько дел. Бестолковых, как он понимал теперь. И бессмысленных. И вот тут возникала развилка: можно было до конца дня решать вопрос, были ли намеченные дела бесполезными. Или же попытаться сделать какое-нибудь из дел, убрав, предварительно меланхолию в ящик для постельного белья.

Профессор решил, что он попробует. Он верил, что подобное лечится подобным, и поэтому решил вместо уже запланированных дел составить себе новый список.

Он поставил цифру 1 и написал: «Напиться». А чего бы вы хотели? Он же посреди России сидел. Он что, должен был написать: «Выпить чаю»? «Поплавать в море»? «Пойти заработать денег»? «Завести любовницу»?

Кстати.

Профессор поставил цифру 2 и записал: «Завести собаку. Маленькую». А затем под цифрой 3 : «Продолжить составление списка».

В таком виде список выглядел привлекательным (в смысле, совсем уже бестолковым), но невыполнимым, поскольку каждое из этих дел требовало от профессора невероятных усилий, прямо с утра. Поэтому профессор отложил список в сторону и выбрал самое мощное лекарственное средство. Он поставил скачиваться сериал.

Профессору снится инопланетный кошмар

Еще один сон

Профессору время от времени снятся кошмары. Земные такие кошмары, преподавательские. Например, пришел лекцию читать, а ничего не помнишь. Или наоборот, всё прекрасно помнишь, рассказываешь подробно, а тебя никто не слушает. Совсем никто. Впрочем, это уже почти и не кошмар.

А тут приснился инопланетный. И на той планете коммуникация осуществляется не при помощи слов или изображений, а при помощи запахов. Нет там ни алфавита, ни иероглифов, ни какой-нибудь еще письменности. А для хранения информации используют специальные губки, последовательно сохраняющие ароматы. И чтобы эти ароматы не выветривались, эти губки делают в виде шаров разного объема и покрывают пластиком. И клапан еще есть.

Дома у него (во сне) оказалось много полок с такими шарами: зеленые – это его лекции (а он, конечно же, и здесь был профессором), синие – научная литература, красные – художественная, желтые – пресса, лиловые – искусство. Хотя, какое там искусство, профессор в том сне увидеть не успел, потому что собирался на лекцию. Он взял зеленый шар, с ароматом № 5, и пошел на работу.

А еще на той планете нет ни сумок, ни портфелей, ни рюкзаков. И все ходят, как в американском кино про школьников и работу. Ну, там, когда какая-нибудь школьница вещи бросит в ящик и идет по коридорам, прижимая учебники и тетради к груди. Или когда кого-то увольняют с работы, и тот все свои вещи в картонной коробке несет. Прижимая к груди. Вот и профессор нес свой шар, прижимая к груди, да споткнулся и шар выронил. И покатился тот шар вдоль по улице, а потом по лестнице вниз и куда-то вдаль. А профессор все бежал, бежал за ним. И поймать его не мог.

Вот такой кошмар инопланетный.

Потом весь день ноги болели.

И спина.

Профессор испытывает боль

Печальная повесть

Профессор проснулся среди ночи от сильной боли в груди. Он полежал немножко с этой болью и решил, что надо перевернуться на другой бок. И заснуть. Перевернуться получилось с трудом, заснуть вообще не получилось. Боль была такая, как будто в груди поселился инопланетный зародыш, а потом он вырос и решил выбраться наружу. Ну, вы видели в кино, что я вам буду рассказывать.

Профессор у нас агностик, инопланетян он, в принципе, не отрицает. Но в зародыш у себя в груди не поверил. Поэтому он поднялся, включил компьютер, набрал в поисковике «острая боль в груди» и стал читать, что там написано на медицинских сайтах. Писали, что это, скорее всего, сердце поизносилось и теперь подает сигнал, что бьется только из одолжения. А это значит, что пора вспоминать лучшие моменты жизни и звонить родным и друзьям, особенно тем, кого давно не видел.

Но как же так, думал профессор, болит-то справа, а сердце-то...

Ну и что, писали на сайтах. Во-первых, сердце почти посередине. А во-вторых, оно может послать сигнал куда угодно, хоть в ногу.

Но нога у профессора не болела.

А если это все же не сердце (писали на сайтах), то тогда легкие. Что там есть-то в груди? Сердце да легкие. И всё. Но если это лёгкие, писали на сайтах, то тогда вы скоро начнете кашлять с кровью. Вызывайте тогда скорую и начинайте составлять список друзей и коллег.

«Ага, сейчас», – подумал профессор. Они сами будут решать, кому на поминки идти. И никто не придет. У всех свои дела.

Он подождал немного. Кашлять не хотелось, тем более кровью. Значит, не легкие. Там же еще пищевод есть.

Ну, может, и пищевод, писали на сайтах, но если пищевод, то уж лучше бы было сердце. А вообще-то это, вероятно, защемление нерва в позвоночнике. Тут все просто, идите к мануальному терапевту. Он вам выпишет направление на массаж, пять раз в неделю. Месяца три на массаж ходите и будете совсем здоровый, но, правда, без денег.

А может, само пройдет, подумал профессор.

Но на всех сайтах было написано: «Самая большая ошибка – думать, что пройдет само. Ничего само не проходит. Разве только ваша жизнь».

Профессор занимается самолечением

Героическая повесть

Мы оставили профессора посреди ночи перед компьютером, с острой болью в груди. Определить, что у него болит, путем обследования разных сайтов не получилось. Но это же не повод обращаться к врачу и отвлекать его от скрипучих старушек и скучных алкоголиков. «Надо намазать больное место мазью от ушибов и посмотреть, что будет», – решил профессор. Он же ученый, как-никак, а ученых хлебом не корми – дай провести эксперимент на себе. Профессор достал коробку с мазями, нашел красный тюбик фенистил-геля со сломанной крышкой и нанес мазь на больное место, а также еще на разные места, потому что мази вылезло очень много.

Боль меньше не стала. Тогда до профессора начало доходить, что фенистил, вообще-то, не от боли в мышцах. Он от чего-то такого на коже, чего у профессора, в общем-то, нет. Профессор снова достал коробку с мазями и откопал там тюбик долобене. И пока наносил эту мазь на больное место, стал думать, что как она теперь доберется до центра боли, если все каналы перекрыты фенистилом?

Профессор поплелся в душ и смыл обе мази. А пока смывал, решил, что ну ее, эту долобене. А намажется он лучше вольтареном эмульгелем, «проникающим глубоко в кожу», как было сказано в какой-то рекламе.

Он нашел еще один красный тюбик, выдавил гель, сантиметра на два, и начал мазать. И почти сразу понял, что это, во-первых, не гель, а во-вторых, не вольтарен, потому что ощущения были такие, что он набрал в руку охапку сухих еловых иголок, нет – суровой крапивы, нет – раскаленных углей, и теперь натирает ими грудь. Захотелось прыгать до потолка и бегать по стенам. А это и не был вольтарен. Это был финалгон, тоже в красном тюбике. Надо было очки на нос надеть, когда в коробке с мазями копался.

Профессор не стал бегать по стенам. На стенах у него висят картины. Он боялся, что наступит на гвоздики, за которые крепятся эти картины, и поранит ступни. Поэтому он немного попрыгал до потолка, а затем уже попрыгал в ванную, чтобы смыть с себя эту гадость.

Но финалгон смыть невозможно. Он просто сжигает кожу, чтобы добраться до мяса. А там уж как пойдет.

В общем, профессор еще какое-то время прыгал. Часа два. Или три. А потом обнаружил, что боли в груди больше нет. Что и не удивительно. Если человек выживает после финалгона, то никакие болезни ему не страшны.

И профессор стал собираться на работу. Утро же. Пора.

Профессор покупает рисунок

Путевые заметки

У профессора в прихожей висит рисунок: мужчина и женщина танцуют танго под фонарем. Называется рисунок «Con el tango en el alma», и нарисован он был в городе танго – Буэнос-Айресе, Аргентина. Профессор никогда не был и никогда не будет в Буэнос-Айресе, а за рисунком этим он ездил во Франкфурт-на-Майне.

Ну, то есть, конечно, не специально за этим рисунком. Просто профессор, в своем стремлении к самому синему морю, взял билет на рейс в субботу, с таким расчетом, что прилетит он во Франкфурт утром, а продолжит полет ближе к вечеру. А там, во Франкфурте, по субботам блошинный рынок, на берегу реки Майн.

Ну вот.

Он нашел рисунок лежащим на земле, на коврике, рядом с пустыми рамками для фото; потертыми кошельками, без денег внутри; одинокими чашками, тоскующими по своим блюдам, и пластмассовыми сувенирами, которые больше никому ни о чем не напоминают. Было холодно, все вокруг дрожали и ежились, даже фарфоровые фигурки у ног продавца. Профессор отдал пожилому старьевщику двадцать евро, положил рисунок в свой синий рюкзак и увез его в тепло, к самому синему морю. А оттуда – к себе в Ямки.

И получилась такая история.

Этот рисунок нарисовала художница по имени Мерседес в 1989 году. Он висел в ее мастерской, куда забрел как-то заезжий турист из Германии. Я думаю, он был пожилым человеком, молодые люди редко выбирают из Франкфурта в Буэнос-Айрес. Им работать надо, строить свою жизнь. Да и двадцать евро им есть на что потратить, помимо рисунка.

А это был пожилой сентиментальный немец. Может быть, даже в шляпе с пером. Он купил рисунок, увез его к себе в Германию и повесил его на стену у себя в доме. А через четверть века он умер, и его сын или внук отдал ненужное ему имущество старьевщику. И рисунок тоже. Он же, этот наследник, никогда не был в Аргентине, не пил мате, не брызгал соком горячей эмпанады, не танцевал ночью танго под фонарем со случайной встречной, что ему этот рисунок. То ли дело пустые белые стены. И два эстампа на них.

И он, этот рисунок, целый год или два лежал на земле, каждую субботу (а все остальные дни в пыльной коробке), пока его не купил пожилой русский турист, который, так уж случилось, специально для этого прилетел во Франкфурт в конце зимы. А теперь рисунок висит на стене, в прихожей, в квартире профессора в городе Ямки, в тепле и уюте. И думает, что с ним будет через четверть века.

Потому что картины, как попугаи.

Они переживают своих хозяев.

Профессор и тишина

Роман-биография

Профессор любил тишину. Любовь его была одинока. Я хотел было дальше написать что-то вроде: тишина не любила профессора. Но с тишиной я никогда не встречался, интервью у нее не брал. И писать о ее чувствах к профессору не имею морального права.

Профессор жил в таком месте, куда тишина не забредала, даже по ночам. Метрах в двухстах от его окон разбит городской парк. А там, в парке, в далеких восьмидесятых была танцевальная площадка. Музыка там гремела, как и положено, с вечера пятницы и до утра понедельника. И профессор, как только поселился в этом доме, выучил наизусть (и возненавидел) весь репертуар групп «Пламя» и «Модерн токинг». Но это еще не беда. У профессора тогда родилась дочка, которая отказывалась засыпать под музыку и первые пять лет своей жизни сама не спала по выходным и не позволяла спать родителям.

Но все проходит. Дочка «прислушалась» и стала засыпать, получив прививку массовой культуры. А с окончанием советской власти, как-то сразу, парк забросили, танцплощадку закрыли. Зато появились разные мелкие забегаловки, каждая с динамиком у двери. Что там несло по ночам из динамиков, уже и не вспомнить. Но что-то на редкость безобразное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.